

Габриэль Гарсиа
МАРКЕС:

«Мне не нравится этот мир»

Всемирно известный колумбийский писатель Габриэль Гарсиа Маркес отправился в Японию, где должен встретиться с кинорежиссером Акирой Курасавой. Во время своей поездки Маркес посетит также Париж и Москву, чтобы собственными глазами посмотреть, что делается в меняющейся Европе. Меняющейся к лучшему? Автор «Ста лет одиночества» не очень в этом уверен.

Сегодня мы перепечатаем из итальянского журнала «Эпока» интервью с Г. Г. Маркесом. Интервью вел и написал к нему послесловие Роза Мора.

— Какое впечатление складывается у вас о Европе, когда вы смотрите на нее из Латинской Америки?

— Европейцы думают, что Европа — центр Вселенной. Испания обычно держалась особняком и не участвовала в европейских «операциях». Но сейчас и она послала свои кораблики в Персидский залив и тоже «принята» в Европу — выдержала экзамен. Пятьсот лет тому назад она снарядила три небольших судна, чтобы отыскать путь в Индию, и тем самым изменила мир. Мы, латиноамериканцы, знаем: Европа прощает нам лишь то, что мы делаем в подражание ей. Мне мучительно сознавать, что Испания начинает присоединяться к Европе. Это все равно, как если бы твоя мать отправилась спать в дом другого человека. Пусть Испания выполняет все свои обязательства перед Европой, какими бы серьезными они ни были, но это не должно отражаться на ее отношениях с Латинской Америкой, имеющих для нас первостепенное значение.

— Что вы думаете об эволюции восточноевропейских стран?

— Евроцентризм и европейский эгоцентризм могут оказать влияние и на страны Восточной Европы. Режимы в этих странах должны были пасть, и падение это произошло, хотя и с большим опозданием. Ну а теперь? Что будет? Какие условия им навязжут? Потребуют, чтобы они тоже признали формулу, господствующую в Европе? Проявлять солидарность с этими странами не означает освободить их от одной зависимости с целью навязать другую. Быть с ними солидарными — значит позволить им самостоятельно найти свое лицо.

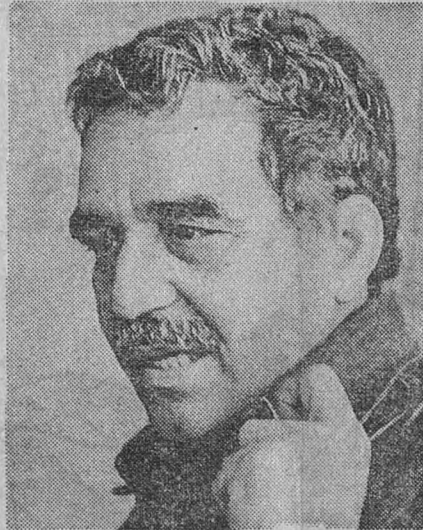
— Как сказываются изменения, происшедшие в восточноевропейских странах, на обстановке на Кубе?

— Я считаю, что Куба нуждается в глубоких социальных переменах. Но не обязательно таких, какие ей хотят навязать извне. Меня очень беспокоит механистический подход к делу: раз в Восточной Европе пал марксистский режим, значит, он должен

пасть и на Кубе. Это совсем разные вещи — смотреть и судить извне и смотреть на вещи изнутри. Перед Кубой стоят ужасные проблемы, которые могут еще усугубиться, поскольку к тридцатилетней блокаде, сознательно осуществляемой Соединенными Штатами, сейчас присоединяется вынужденная блокада со стороны Советского Союза. В настоящий момент СССР не располагает необходимыми средствами, по крайней мере он не может делиться ими с Кубой. Но я убежден, что, пока Горбачев будет оставаться у власти, помощь Кубе не прекратится. Фидель Кастро подготавливает страну к худшему (я имею в виду экономический аспект проблемы), и вопреки тому, что думают за границей, он еще пользуется безоговорочной поддержкой своего народа. Фиделя не свергнут, кубинский народ не поднимется против него. К тому же обстановка на Кубе меняется, страна становится более открытой. Начался самый настоящий народный бунт против бюрократического аппарата партии, которая должна демократизироваться, измениться. Только это не бунт против социализма и против Фиделя, впервые услышавшего критику в свой адрес. Это критика, а не угроза свержения. С Фиделем не произойдет того, что произошло с Чаушеску.

— Кто остается с Кубой?

— С Кубой остаются солидарные страны Латинской Америки и страны развивающегося мира. Экономическая обстановка на Кубе не хуже, чем в Аргентине или Перу. С Кубой остаются мы, латиноамериканцы, выступающие за интеграцию всей Латинской Америки и в меру своих возможностей стремящиеся решить собственные проблемы. Перемены в Восточной Европе произошли потому, что Горбачев создал для этого условия. Куба и Латинская Америка находятся в орбите Соединенных Штатов. Следовательно, именно Соединенные Штаты должны создать условия для реальных перемен, а не продолжать гоняться за дьяволом.

— Каким дьяволом?

— Соединенные Штаты всегда нуждались в каких-нибудь «дьяволах». Первым дьяволом был коммунизм, теперь им стал наркобизнес. Есть и другие дьяволы, поменьше. Например, Норвега, Даниэль Ортега, сандинизм и, естественно, Фидель Кастро. С Норвегой покончили, а что получилось? В Панаме стало хуже, чем прежде, практически ее больше не существует. Прибегнув к сильному давлению, в том числе и военному, покончили с Ортегой, а что получилось? Обстановка в Никарагуа стала еще хуже. Виолета Чаморро держится лишь благодаря помощи сандинистов, без них ее бы уже давно свергли. Так пусть оставят в покое «дьявола» Фиделя и дадут возможность Кубе, которая уже достаточно настрадалась — и не по вине Фиделя, а из-за блокады, объявленной Соединенными Штатами, — разрешить свои проблемы по собственному усмотрению. Только Фидель в силах осуществить перемены на Кубе. Без него будет хаос. А кому нужен хаос?

— На международную конференцию, посвященную вопросам свободы, состоявшейся недавно в Мексике, звучали довольно серьезные обвинения, Вас называли кастристом, а Пабло Неруду — сталинистом. Почему стоит вам, интеллектуалам, бороться, как вы начинаете критиковать друг друга?

— Я, как говорит Грэм Грин, не интеллигент. Я писатель, романист, а романисты живут не интеллектно, а чувствами, эмоциями. В Латинской Америке нам, писателям, не повезло: все, что мы говорим, приобретает ши-

рокий резонанс, ибо нас считают совестью нашего общества. Каких только бед мы, оказывается, не натворили! Впрочем, мне трудно представить себе конференцию, на которой Данте принялся бы рассуждать о рыночной экономике. Мы, никогда не бывшие ни сталинистами, ни коммунистами, мыслим очень свободно. Но у некоторых старых сталинистов совесть настолько отягощена, что они ударились в противоположную крайность и стали исповедовать новую разновидность демократического фундаментализма. А в двухтысячном году не должно быть никакого фундаментализма вообще. Мы должны стремиться к раю, в котором можно созидать мир каждодневно, без всяких догм и идеологических схем. Что до встречи в Мексике, то просочившиеся наружу какие-то незначительные подробности затмили собой основные обсуждавшиеся темы. Газеты почему-то не сообщают самого важного. Например, средства массовой информации совершенно игнорируют Колумбию. Колумбия представлялась печальной привилегия: на первых страницах всех газет печатались сообщения о количестве людей, убитых там за день. А с тех пор, как в этой стране перестали убивать, о ней никто больше не вспоминает.

— Так что же все-таки происходит в Колумбии?

— Вот уже примерно месяц, как резня прекратилась. Почему — неизвестно. А мы хотим это знать. Что там происходит? Вот уж действительно был бы интересный репортаж.

— Вы направляетесь в Японию, избрав самый длинный маршрут: Нью-Йорк, Мадрид, Барселона, Париж, Москва, Токио. А на обратном пути посетите Гонконг, Лос-Анджелес, Мексику. Не слишком ли много этапов для одной поездки?

— Я боюсь самолета: все боюсь, как бы он не разбился. Поэтому я так планирую свои маршруты, чтобы не ходить в воздухе не больше восьми часов кряду, а в промежутках примерно по неделе отдыхаю в разных местах. Это у нас в Колумбии называется шататься от лавки к лавке, что означает останавливаться в каждом трактирчике, чтобы промочить горло. В конце концов человек пьянеет, зато делается очень счастливым.

— Цель этого вашего долгого путешествия — встреча с режиссером Акирой Курасавой, который собирается экранизировать ваш роман «Осень патриарха».

— Акира Курасава неоднократно передавал мне, что ему хотелось бы сделать какой-нибудь фильм вместе со мной. В Японии мои книги пользуются

необычайным спросом. Предложение это показалось мне весьма привлекательным, но я не знал, что мы могли бы сделать вместе с этим режиссером. Наконец мне пришла в голову идея экранизировать «Осень патриарха». И я сообщил ему об этом. Акира Курасава долго молчал. Я не выдержал и спросил, в чем дело. Курасава передал мне, что возраст не позволяет ему приехать снимать фильм в район Карибского моря. Я ответил, что фильм этот можно прекрасно снимать и в Японии. Вот теперь мы встретимся и все обговорим.

— Вы не соглашались на самые заманчивые предложения снять фильм по роману «Сто лет одиночества». Как же вы решились экранизировать «Осень патриарха»?

— Я преклоняюсь перед Курасавой и знаю, что он сделает высокопозитивную вещь. И поэтому меня его работа очень интересует. Только поэтому. Вообще же мне не хотелось бы, чтобы мои романы были перенесены на экран. Для кино или для телевидения я пишу по-иному. Роман оставляет читателю простор для творческого домысливания. Сам читатель дает персонажу облик и душу. Именно читатель придумывает финал. В кино же готовый образ не оставляет зрителю простора для воображения, для творчества.

— А над чем вы работаете сейчас?

— Над мемуарами. Пока — никаких романов. Но я пишу без системы. Запечатлеваю вещи, которые боюсь забыть. Опасаюсь, что потом мне будет уже некогда сделать это. Я пишу, не придерживаясь хронологии, создавая множество не связанных между собой самостоятельных глав. Например, описываю мою семилетнюю жизнь в Барселоне, вспоминаю о своем детстве или пишу о Нобелевской премии.

— Нобелевская премия — одна из немногих, которые вы согласились принять.

— Да, и я не собираюсь принимать какую-нибудь еще. Я не читаю докладов, не представляю своих книг, никогда не присутствовал на торжественных актах в мою честь — ни до, ни после получения Нобелевской премии.

Осень самурая

Официальный «предлог» поездки Габриэля Гарсиа Маркеса в Токио — представление читателям переведенного на японский язык его последнего романа «Генерал в своем лабиринте». Но в записной книжке писателя

отмечена одна самая важная для него встреча — с режиссером Акирой Курасавой, с которым он намерен обсудить вопрос об экранизации другого своего романа — «Осень патриарха», вышедшего 15 лет назад.

Событие совершенно исключительное. Отношения между Маркесом и кинематографом очень сложны. Писатель всегда решительно отказывался от предложений (а их, по его словам, поступает по три в день, причем сулят они порой суммы с девятью нулями) экранизировать его романы. В тех редких случаях, когда он все же соглашался, ему приходилось расканиваться. Так было с «Эрендирой» (эта экранизация, выполненная Раулем Руисом, не имела успеха); так было и позднее с «Историей одной смерти», о которой знали заранее, снятой Франческо Роззи и жестоко раскритикованной в печати. Пару лет назад Маркес уступил настоятельным просьбам Роберта Редфорда, который хотел перенести на экран роман «Полковнику никто не пишет», но его постигло очередное разочарование: проект этот затерялся в голливудских джунглях. Поэтому не приходило удивляться заявлению Маркеса, что он никогда не продаст кинематографистам права на экранизацию своего шедевра «Сто лет одиночества». Режиссерам и продюсерам он неизменно отвечает: «Через пятьдесят лет после моей смерти роман станет общественным достоянием. Тогда сможете делать с ним все, что вам заблагорассудится».

И все же Гарсиа Маркес очень любит кино. В молодости он один год учился в Римском кинематографическом центре; потом организовал две киношколы — в Мехико и в Гаване (он в них и директор, и спонсор, и преподаватель); написал несколько сценариев. Очевидно, именно благодаря этой любви к кино колумбийский писатель и решил сделать исключение для великого Курасава. В последнее время престарелого и не очень здорового Курасава обхаживают многие. Но, судя по всему, оснований на успех в этой «гонке за Курасавой» у Гарсиа Маркеса больше, чем у кого бы то ни было. История сверхдолгожителя Хосе Иньясио Саенса де ла Барра, жившего так долго, что никто не помнит, когда он родился, и ставшего символом всех латиноамериканских диктаторов, в руках Курасава должна превратиться в историю одного легендарного самурая. Для колумбийского лауреата Нобелевской премии это будет очень почетный дар, даже если он и не сможет удовлетворить свою великую мечту — самому стать режиссером. Отважиться на столь ответственный шаг он все никак не решает.

Перевела с итальянского
Ф. ДВИН